

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата политических наук Уханова Антона Дмитриевича
на тему: «Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена: исторический опыт и
современное значение»
по специальности - 5.5.1 - История и теория политики

Актуальность и научная значимость диссертационного исследования А.Д. Уханова не вызывает сомнений. Оно представляет собой важную в эвристическом плане попытку рассмотреть в рамках анализа дискуссии между Карлом Шмиттом и Гансом Кельзеном - двумя выдающимися политическими мыслителями XX века - ряд теоретических проблем, которые тесно связаны с многообразными аспектами интерпретации генезиса, эволюции и современного состояния политических наук.

Ранняя традиция творческой дискуссии вокруг фундаментальных принципов политического знания была весьма рельефно обозначена уже в первой половине XIX века в переписке и речах Алексиса де Токвиля и Франца (Франсиса) Либера. В 1852 г. в своем знаменитом обращении к французской «Академии моральных и политических наук» в качестве ее президента Токвиль представил «политическую науку» как «науку, изучающую поведение обществ», охватывающую «огромное пространство, простирающееся от философии до элементарных исследований гражданского права». В качестве примеров он приводил, помимо канонических текстов Платона, Аристотеля, Макиавелли, Монтескье и Руссо, работы Гроция и Пуффендорфа по международному праву, Беккариа по уголовному праву и криминалистике, Адама Смита по политической экономии, а также работы правоведов и юридических комментаторов. Тем самым великий французский историк и политический философ довольно органично объединял (как и Ф. Либер в своей ранней «Политике»!) в рамках «широкой политической науки» многовековую традицию европейской политико-философской рефлексии с укоренившейся в Германии специфической традицией «наук о государстве» (*Staatwissenschaften*), или «государственных наук» (см.: А.Д. Градовский «О современном направлении государственных наук»).

Тенденция к некоторому отмежеванию от традиции *Staatwissenschaften* была обозначена Ф. Либером в инаугурационной речи 1858 г. при его вступлении в должность профессора кафедры истории и политической науки Колумбийского университета. В ней Либер называл свою преподавательскую должность «профессор политологии» и рассматривал историю, политическую экономию и политическую философию как три «ветви» в рамках политологического знания. Для объяснения специфики последнего Либер, опираясь на свою концепцию общества, утверждал, что политология включает в себя «науки, изучающие человека в его социальных отношениях, человечество во всех фазах его общественного развития».

Такой подход, восходящий к аристотелевской «Никомаховой этике», в настоящее время если и не является доминирующим, то с успехом претендует на абсолютное первенство. Как весьма точно заметил Дейвид Риччи: «Говоря о Храме Науки, Аристотель имел в виду, что политика образует верхнее покрытие Храма и в некотором смысле она является главной наукой над всеми меньшими сферами знания, которые можно найти среди храмовых колонн. Эта концепция политики всегда пользовалась определенной поддержкой в сообществе ученых-политологов. Например, Вудро Вильсон, выступая в качестве президента APSA, заявил: “все из того, что формирует или влияет на человеческую жизнь, не кажется мне непосредственно чуждым тому, кто изучает политику”».

Тема диссертации А.Д. Уханова и её содержание ассоциируются еще с одним историческим сюжетом. Речь идет о сенсационной исторической находке, а именно - о

недавно найденной в американском Национальном архиве рукописи работы Ф. Либера о чрезвычайных полномочиях и военном положении, в которой затрагиваются многие дискуссионные аспекты из области права и политической философии. Во время гражданской войны в США Либер, занимая должность юрисконсульта Белого дома и советника А. Линкольна по правовым вопросам, стал одним из «архитекторов» и защитников наиболее известного закона, наделяющего Президента чрезвычайными полномочиями. Главные вопросы трактата Либера - каковы масштабы власти правительства в период кризиса?; каким образом правовые ограничения соотносятся с необходимой свободой действий исполнительной власти? Современные специалисты утверждают, что данные вопросы в дальнейшем становятся важным элементом становления теории политического реализма в США, определенные моменты которой тесно связаны с концепцией чрезвычайного положения Карла Шмитта.

Осуществленный А.Д. Ухановым анализ дискуссии между К. Шмиттом и Г. Кельзенем затрагивает ряд существенных моментов обозначенных выше проблем.

Диссертация А.Д. Уханова состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы. Структура и содержание работы соответствует формальным научным критериям.

В первой главе «Учения К. Шмитта и Г. Кельзена: исторические и теоретико-методологические характеристики» автор предпринимает попытку реконструкции исторической специфики формирования учений Шмитта и Кельзена с целью выявления на уровне обобщенных характеристик того идейно-теоретического контекста, который определяется автором как «совокупность идей, концепций, взглядов и трактовок политических феноменов, которые были распространены в немецкой мысли, когда Шмитт и Кельзен получали базовые знания и знакомились с проблематикой государствоведения, определяясь с собственными научными пристрастиями» (с. 17, автореф.). Предметом специального авторского анализа является гипотеза, в соответствии с которой концепция «децизионизма», объединяющая «обоснование правового характера диктатуры и чрезвычайного положения, оправдание силы государства, защиту государственно-организованного единства, критику либерального понимания демократии и понимание решения как основание политического порядка» (с. 29, дисс.), является центральной темой учения К. Шмитта. Автор критически оценивает и анализирует теорию «чистого учения о праве» Г. Кельзена, лежащую в основе его концепции «нормативизма» (там же).

Во второй главе «Дискуссия К. Шмитта и Г. Кельзена о суверенитете, демократии и гаранте конституции» автор обосновывает свою версию концептуализации учений о суверенитете, обозначая теорию Шмитта как «этатистскую», а концепцию Кельзена - как «глобалистскую» (с. 19, автореф.). Заслуживает внимания дополнительное подробное обоснование автором своей исходной идеи, согласно которой «Кельзен всегда защищал плюралистическую демократию, предполагавшую активное участие отдельных индивидов и меньшинств в управлении государством, защиту их прав, а также ограничение воли большинства» (с. 31, см. также с. 69-70, дисс.). Конечный вывод автора состоит в том, что К. Шмитт и Г. Кельзен «формулируют диаметрально-противоположные учения о демократии, которые не совпадают на мировоззренческом, сущностном и институциональном уровнях. Лишь в области оценки политико-идеологического измерения демократического устройства в их рассуждениях можно обнаружить значительные сходства» (с. 78, дисс.). Подробно обозначаются существенные расхождения в позициях Шмитта и Кельзена, связанных с трактовкой «политического гарантирования конституций» (см. с. 91, дисс.).

В третьей главе «Дискуссия К. Шмитта и Г. Кельзена в истории политики и мысли» представлена попытка сконструировать комплексный подход к проблеме иерархии законодательства на стыке юридического и политологического знания. Осуществляется сравнительный анализ решения данной проблемы на основе «нормативного подхода» (Г. Кельзен) и «субъектно-политического» подхода (К. Шмитт). В втором параграфе, имеющем

название «Конфликт Президента РФ и Конституционного суда РФ 1993 года в оптике веймарских дебатов Шмитта и Кельзена», автор пытается обосновать тезис о «возможности применения материалов дискуссии к фактическим обстоятельствам российского конституционного кризиса», приводя в качестве аргумента «схожесть исторического контекста и государственно-правовых форм, а именно конституционного демократического государства, погибающего в начале 30-х годов в Германии и возникающего в начале 90-х в России» (с. 23, автореф.). В третьем параграфе рассматривается проблема «сосуществования внутри политической науки взаимоисключающих подходов («языков») к описанию политических феноменов». Основная интенция параграфа определяется стремлением автора «реализовать плюралистическое решение» в рамках попытки «конструирования и применения комплексной методологии исследования политико-правовых явлений и процессов» (с. 25, автореф.)

В ЗаклЮчении вполне корректно сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Диссертация А.Д. Уханова отличается логичностью построений и вполне определенной последовательностью аргументации. В своем исследовании автор использовал широкий круг источников и научной литературы по теме исследования на русском языке (185 наименований), а также немецком и английском языках (43 наименования).

В диссертации А.Д. Уханова наряду с бесспорными достижениями имеются и некоторые недостатки:

1. Во введении на стр. 3, характеризуя актуальность своего исследования, автор отмечает: «Обращаясь к интеллектуальной истории XX века, мы сталкиваемся с целой серией идейно-теоретических споров классиков общественной мысли. Эти дискуссии сформировали в политической науке идейно-концептуальные границы и определили теоретико-методологическую направленность в понимании и интерпретации современных явлений и процессов в политике и праве. Среди таких дискуссий особое место занимает острая полемика 1920-1930-х годов Карла Шмитта (1888–1985) и Ганса Кельзена (1881–1873). Шмитта и Кельзена относят к тем выдающимся мыслителям XX в., чей кругозор и глубина рассматриваемых вопросов выходили за рамки дисциплинарной принадлежности, формировали традицию междисциплинарного исследования проблем государственного управления. В историческом и эпистемологическом отношении можно назвать К. Шмитта и Г. Кельзена крупнейшими государствоведами XX в. Если взять историческую практику словоупотребления конца XIX – начала XX в., то именно государственное управление являлось фундаментальным научным направлением разработки политической и правовой проблематики (оба были докторами государственного права), тогда как эпистемологический аспект указывает на то, что их исследования были ориентированы как на вопросы политики, так и права. Сегодня наследие двух ученых, теоретико-методологические и доктринально-программные положения их учений стали классическими для различных научных дисциплин, а их взгляды обсуждаются во многих отраслях социально-гуманитарного знания».

Данное рассуждение совершенно правомерно. Однако автор в дальнейшем не приводит сколько-нибудь значимых аргументов, относительно того, какие именно «различные научные дисциплины» он конкретно имеет в виду. Исключение составляет, пожалуй, политическая теология (см.: с. 37, дисс.). За исключением упомянутого выше словосочетания «эпистемологический аспект», эпистемологическая проблематика, включая политическую эпистемологию – дисциплинарное направление, играющее важную функциональную роль в различных системах современной политической философии, не представлена ни в одной из глав диссертационного исследования. Между тем, в современной научной литературе эпистемологические идеи Г. Кельзена постоянно

обсуждаются в контексте эволюции социальной мысли. Например, в 2002 г. в серии «Политическая философия и политическая экономия» был опубликован (отсутствующий в библиографии диссертации) сборник: «Социальное мышление: эпистемологическое позиционирование социальных наук» (Gesellschaftsdenken: Eine erkenntnistheoretische Standortbestimmung der Sozialwissenschaften. Dr. Klaus Hamberger, Prof. Dr. Leonhard Bauer (eds.). Springer-Verlag, 2002), в котором рассматриваются девять работ Кельзена, вышедших в свет с 1911-1942 гг. В их числе – работа «Философские основания естественного права и юридический позитивизм» (1928).

Аналогичным образом, в диссертации отсутствует сколько-нибудь подробный анализ идей и трудов К. Шмитта и Г. Кельзена в рамках современных направлений политической философии и политической теории. Например, уже в ранней работе Юргена Фьялковски (Jürgen Fijalkowski) «Поворот к вождистскому государству: идеологические компоненты в политической философии Карла Шмитта» (Die Wendung zum Führerstaat: Ideologischen Komponenten in der Politischen Philosophie Carl Schmitts) (1958) (отсутствует в библиографии диссертации) затрагиваются важные моменты дискуссии К. Шмитта с Г. Кельзеном в контексте политической философии со ссылкой на работу последнего: «Кто должен быть хранителем конституции?» (1931) (Wer soll der Hüter der Verfassung sein?).

Разумеется, весьма досадным пробелом выглядит отсутствие в диссертации анализа очень содержательной работы Норберта Шюргерса (Norbert J. Schürgers) «Политическая философия в Веймарской республике: восприятие государства между вождистской демократией и бюрократическим социализмом» (Politische Philosophie in der Weimarer Republik: Staatsverständnis zwischen Führerdemokratie und bürokratischem Sozialismus. J.B. Metzler, 1989). Особенно важен раздел С. этой замечательной работы «Консервативное национальное государство и концепция демократии», в которой представлены следующие главы: 1. Демократия - человеческая форма распада (Ф. Ницше); 2. Возникновение цезаризма (О. Шпенглер); 3. Страх перед властью чистильщиков сапог (О. Шпанн); 4. Видение Третьего рейха (А. Мёллер ван ден Брук); 5. Эмансипация национального сообщества (Х. Фрейер); 6. Сдаться сиюминутному (М. Хайдеггер); 7. Война как характеристика политического (К. Шмитт).

В определенном смысле, итоговой работой, посвященной анализу парадоксов правовой концепции Шмитта, может считаться книга Майкла Солтера «Карл Шмитт: право как политика, идеология и стратегический миф» (Carl Schmitt: Law as Politics, Ideology and Strategic Myth. Routledge-Cavendish, 2012), анализ которой мог бы существенно помочь автору с решением многих обозначенных в диссертации проблем.

Иными словами, стремление автора ограничить диапазон дискуссии между Шмиттом и Кельзеном рамками «государствоведения» и его принципиальная позиция – индуктивно и спорадически обнаруживать и формулировать политико-философские аспекты этой дискуссии – выглядит, на наш взгляд, довольно произвольной в историческом и методологическом плане. Разумеется, в кандидатской диссертации такого рода ограничение вполне возможно и может быть мотивировано небольшим объемом работы. Но в любом случае, данный момент необходимо *специально оговаривать*, поскольку исключение специфических методологических аспектов социальной и политической теории и тем более политической философии из дискурса «Шмитт/Кельзен», на наш взгляд, оправдать довольно трудно.

2. Обозначая в качестве основной цели диссертации «анализ исторического опыта и определение современного значения дискуссии Карла Шмитта и Ганса Кельзена 1920-1930-х гг.», автор, наряду с другими задачами, решение которых необходимо для достижения этой цели, счел целесообразным «рассмотреть конфликт Президента РФ и Конституционного суда РФ в ходе конституционного кризиса 1993 года через призму веймарских дебатов Шмитта и Кельзена» (с. 8-9, дисс.) При этом автор избрал путь даже не «государствоведческого», а чисто юридического анализа конфликта. С политологической точки зрения, юридические аспекты конфликта администрации Б.Н. Ельцина и

Конституционного суда должны рассматриваться в совокупности с другими его факторами – экономическими, социально-политическими, моральными и психологическими. При этом ученые обычно сами решают, каким факторам и в каком контексте следует уделять наибольшее внимание в плане обоснования их собственной позиции. Например, Ф. Либер, обозначая свою позицию, постоянно подчеркивал, что даже власть деспота никогда не является настолько полной, чтобы обеспечить неукоснительное подчинение. Это означает, что, хотя наука о политике обосновывает различные формы правовых предписаний, которые наилучшим образом могли бы служить целям права в данный момент и при данных обстоятельствах, эти предписания должны быть дополнительно проанализированы и с точки зрения политической этики. Никакой закон никогда не может полностью заменить моральное суждение в качестве руководства к действию (см.: Lieber F. Manual of Political Ethics. Vol. 1. Boston & London: Charles C. Little and James Brown, 1838. p. 65–66, 69–73).

Свою позицию А.Д. Уханов обозначил следующим образом в одном из примечаний: «...Нет необходимости обращаться к “теневым” составляющим процесса урегулирования и делать слишком большой акцент на политико-идеологических разногласиях субъектов этого кризиса; ограничимся констатацией того, что они были. Думается, что такая логика соответствует “духу” дискуссии Шмитта и Кельзена, которые, дебатировав о кризисе Веймарской демократии, сосредотачивают своё внимание на фундаментальных проблемах государственного устройства и конституционного права» (с.110, дисс).

На наш взгляд, для апробации в историческом ракурсе обозначенных автором интенций Шмитта и Кельзена пример российского политического и конституционного кризиса 1992-1993 гг. является, крайне неудачным. Автор сам неоднократно признает факт предельной политизации позиций сторонников президента Ельцина и большинства членов Конституционного суда. Иначе и быть не могло, принимая во внимание разгул страстей и личностный характер конфликта. Компромисс между представителями всех трех ветвей власти – законодательной (Съезд народных депутатов и Верховный Совет), исполнительной и судебной был по этой причине изначально невозможен, поскольку речь шла о дальнейших путях развития страны.

В конечном итоге единственной политологической идеей, зафиксированной во 2-м параграфе третьей главы является авторское замечание о «кризисе конституционного демократического государства (погибающего в Германии в начале 30-х гг. и рождающегося в России в начале 90-х гг. прошлого века)» (с. 109, дисс). В этом плане политический процесс, развернувшийся в посткоммунистической России после ельцинского государственного переворота 4 октября 1993 г., попадает в довольно неприятную историческую «вилку» между сугубо негативным опытом, связанным с использованием Адольфом Гитлером статьи 48 Веймарской конституции для подрыва других конституционных норм, подавления оппозиции и установления тоталитарного режима, и безусловно позитивным, с точки зрения большинства современных французов, результатом политических и экономических реформ, осуществленных генералом Ш. де Голлем после принятия конституции Пятой республики.

Сравнение французского опыта конца 1950-х гг. и российского конца XX - начала XXI вв. напрашивается хотя бы потому, что голлистская Франция стала одним из образцов, на который ориентировалась российская политическая элита при разработке ныне действующей конституции. Согласно проекту конституции, в разработке которого Де Голль принимал непосредственное участие, сама должность президента не относится к исполнительной власти и не является ее частью. Избранный непосредственно народом, президент не зависит от законодательной власти и возвышается над властью исполнительной. Таким образом, президент является гарантом конституции и государственной политики в целом, олицетворяя волю французской нации. Такого рода интерпретация де Голлем роли президента свидетельствовала, помимо всего прочего, и о том, что ставшая традиционной с первой половины XIX в. либеральная концепция гражданского общества не оказала на него никакого влияния. Государство всегда

оставалось для него единственной реальностью при всем том, что он прекрасно осознавал необходимость установления и четкой юридической фиксации пределов государственного вмешательства. Используя кризисную ситуацию и общее стремление политических партий преодолеть ее, не выходя за пределы конституционного поля, де Голлю, по его собственному признанию, удалось осуществить план преобразования государственного устройства Франции, который он разрабатывал почти два десятилетия.

Не менее парадоксальной была та оценка, которую сам де Голль давал осуществленным им политическим преобразованиям. Филипп де Сен-Робер поведал о том, в чем де Голль признавался ему в декабре 1967 г.: «Мы установили монархию. Это выборная монархия, а не монархия наследственная». Еще раньше, в начале 1960-х гг. генерал утверждал, что V Республика должна стать «той разновидностью народной монархии, которая является единственной системой, совместимой с характером и опасностями нашей эпохи». Неоднократные заявления такого рода (например, яркое описание преимуществ монархического строя в беседе с графом Парижским 17 июня 1960 г.) вряд ли могут быть приписаны верности семье де Голля старым монархическим и католическим традициям. Речь идет о вполне сознательной и тщательно продуманной попытке осуществить в XX в. новый синтез монархии и республики и тем самым дать государству дополнительные основы легитимности.

Сама идея республиканской монархии совсем не нова и уходит корнями в традицию европейской политической мысли и практики. Концепция синтеза монархии и демократии с целью стабилизации республиканского строя была уже в эпоху античной классики одной из излюбленных тем политической философии. Ей отдали дань Платон и Аристотель, Полибий и Цицерон. После первой мировой войны Максом Вебером была разработана концепция республиканской монархии в ходе дебатов о проекте конституции Веймарской республики. В 1919 г. Вебер стал советником при Секретном комитете по конституционной реформе и имел непосредственную возможность развивать свои идеи уже в практическом плане. В своих работах этого периода немецкий социолог и политический мыслитель отстаивал тезис, согласно которому крушение германского Рейха породило необходимость возврата к «революционной легитимности». Последняя воплощается в Президенте, который выбирается суверенным народом путем прямого голосования и может быть отозван в результате народной инициативы. В веберовской интерпретации президент выступает в первую очередь в роли стража национального единства, он является основным национальным противовесом партикулярным интересам, представляемым политическими партиями и центробежными тенденциями в региональной политике. Это «выборный монарх», обладающий примерно теми же полномочиями, которые находятся в распоряжении наследственного монарха «активного типа». Он вовлечен (до определенного предела) в повседневную политику, удерживая за собой право вето в законодательной сфере и право назначения функционеров высшего ранга. Однако наиболее существенная президентская функция состоит в праве постоянного вмешательства в политический процесс, включая право роспуска парламента, использования референдума, провоцирования силового принятия решений со стороны электората. Президент назначает правительство, но канцлер и его министры остаются ответственными перед рейхстагом. В итоге президент, олицетворяя избранную форму правления, остается ключевой фигурой политического процесса.

При всем почти буквальном совпадении концепции М. Вебера с основными идеями конституции V Республики, сам факт непосредственного влияния веберовских идей веймарского периода на программу де Голля, скорее всего, не может быть установлен. Речь идет о совпадении (отнюдь не случайном) их взглядов, возникших в очень сходной кризисной ситуации, которую Франция под руководством де Голля успешно преодолела, превратившись в мощную индустриальную державу. Результаты реализации «командой Ельцина» нелиберального проекта, как всем известно, оказались диаметрально противоположными и их юридическая оценка – дело будущего.

3. Вызывают сомнения некоторые авторские неологизмы, например, «нововременная политическая философия» (дисс. гл.3, с. 92). С трудом поддаются пониманию некоторые формулировки автора, например, «варианты операционализации учений Шмитта и Кельзена, примеры конструирования интегративной оптики исследования социально-политических процессов на основе материалов дискуссии мыслителей, а также ... проблема множественности языков описания мира в политической науке» (с. 22, автореф.) и т.п.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют научной значимости диссертационного исследования А.Д. Уханова. В диссертации исследована актуальная для современной российской политологии научная проблема. Автором проделана большая теоретическая работа. Основные положения и выводы диссертации представляются вполне обоснованными и характеризуются высокой степенью достоверности и новизны. Автореферат и опубликованные работы автора полностью отражают основные результаты проведенного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова для научных работ подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности - 5.5.1 - История и теория политики, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Уханов Антон Дмитриевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности – 5.5.1 - «История и теория политики».

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и философии политики
факультета политологии
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Гуторов Владимир Александрович

Дата: 16. 08. 2023 г.

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом
защита диссертация: 09.00.03 - История философии

Адрес места работы: 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 7/9.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
Факультет политологии
Телефон: 363-64-59, доб. 6906
E-mail: a.lazareva@spbu.ru

В.А.
И.С.
е